

*Вопросы культурологии и истории***СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД У РУССКИХ И КАРЕЛ ВЕСЬЕГОНСКОГО РАЙОНА:
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***Н. Е. Михайлова*

Территория Весьегонского района этнически неоднородна. На ней в тесном соседстве в течение длительного времени проживает как русское, так и карельское население. Это не могло не отразиться на культурном своеобразии исследуемого региона. Если изначально в районе и существовало некоторое разграничение (юго-восточная часть района полностью была заселена карелами, а северо-западная — русскими), то к началу XXI в. население почти повсеместно стало смешанным. В результате длительного исторического взаимодействия в регионе сложился единый этнокультурный комплекс материальной и духовной культуры, который проявляется прежде всего на уровне основных доминант культурной традиции, таких, как календарная и семейная обрядность.

В рамках статьи мы обратимся к описанию и характеристике свадебного обрядового комплекса населения Весьегонского района в том виде, в котором фиксируется его состояние на современном этапе. Материалом для данного доклада послужили записи по ходу свадебного обряда, сделанные в Весьегонском районе. Это экспедиции СПбГК¹ им. Н. А. Римского-Корсакова (1990, 1994 и 2008 гг.), а также экспедиции, организованные Тверским областным Домом народного творчества (август 2011 г., сентябрь 2011 г.).

Свадебный обряд представляет собой единый комплекс, который как у русских, так и у карел относится к обрядам «перехода» и имеет общую структуру. Экспедиционные записи фиксируют лишь некоторые особенности и отличия, присущие карельской или русской свадьбе.

Обратимся непосредственно к структуре обряда. Обряд состоит из следующих основных моментов: сватовство, двороглядье, богомолье, неделя, баня, девичник, утро свадебного дня, отъезд молодых к венцу, венчание, встреча молодых и застолье в доме жениха, второй свадебный день, послесвадебные гостевания молодых у родственников.

Весь обряд делится на две части по эмоциональной насыщенности. Первая (до приезда жениха за невестой накануне венчания) наполнена большим количеством причётов. На протяжении всего этого срока невеста находится в обществе девушек-подруг, которые поют жалостливые песни и тем самым «гневят» невесту. Причитает как сама невеста, так и её мать.

Вторая часть (включает свадебное застолье и последующие два дня свадебного гуляния) сопровождается песнями, плясками, всевозможными величаниями гостей и молодых, игрой на музыкальных инструментах, приходом ряженых.

В ходе последней экспедиции (август 2011 г.) от жительницы д. Чамерово Лихачёвой Надежды Васильевны (1916 г.р., карелка) удалось получить довольно полное описание хода свадебного обряда с песенными образцами и снять на видео момент благословления невесты матерью перед тем, как дочь отправится на «роспись». Отметим, что гражданская церемония вступления в брак — «роспись» — явление позднее, относящееся к советскому периоду и чуждое традиционной культуре. Тем не менее его обязательное включение в комплекс обряда практически никак не отразилось на ходе свадьбы. Часто процедура «росписи» являлась формальным моментом и не рассматривалась в сознании общины как официальное закрепление нового статуса молодых. Среди карельского населения, лучше, чем русские, сохранявшего православную веру, «роспись» следовала после сватовства, затем молодые разъезжались по домам, и шла традиционная подготовка собственно к свадьбе (венчанию). *«Просватают родители невесту и назна́ют какой день расписáтце им. Придут с росписи зна́ют, и будут собира́тце столы — это назывáетца Богомольё. Будут молитце Богу за молодых. <...> А девки придут петь. <...> И вот вокруг спюют эту всю свадьбу, соберут денег, конечно, ведут домой девку. А это гуляют свадёбники, это Богомольё назывáетце. Богомолье ко́нчитце — будут свадьбу готовить. Готовят приданое, кому чево подарить. <...> Это у жениха уж. Это после росписи — Богомольё у невесты, а после венца — у жениха»².*

Традиционно временем проведения свадеб являлись следующие календарные периоды: Мясоед, время от Пасхи до Петрова дня, промежуток между осенними постами.

Экспедиционные материалы позволяют достаточно полно представить структуру свадебного обряда данной локальной традиции.

Сваты в дом невесты приходили вечером или ближе к ночи. Ходили сватать обычно мать или крёстная жениха и его дядя. С ними мог приходиться и жених. Зайдя в дом, сваты садились под матицу, молились Богу, начинали сговариваться. Румянцева Антонина Ильинична из д. Овинище (карелка) рассказывала, что сваты сначала заходили в соседний дом, а оттуда посылали спросить разрешения сватать. Начинали разговор иносказательно, говорили: «Мы пришли за трепальщицей, нам надо лён трепать!» или «У нас бычок, у вас тёлочка!» Чтобы в сватовстве не отказали, по словам Смирновой Марии Ильиничны (д. Иван Гора, карелка), сват мог тайком утащить с печи тряпку и намотать на ногу.

Если в момент сватовства невеста находилась на беседе, то кто-либо из родственников приходил за ней. Там девушки поджигали невестин кужель, потом с песнями («Не у нас ли в чистом поле завяли алые цветы») или с частушками под гармонь провожали с беседы. Если родня невесты была согласна, то жениху давали задаток от невесты (платок или полотенце). Ставили самовар, пили чай.

Следующим этапом подготовки к свадьбе было **Двороглядье**. Родители невесты ездили смотреть дом и хозяйство жениха. Тут, если что-либо не нравилось стороне невесты, в свадьбе могли отказать. Если же всё было в порядке, то устраивали чаепитие.

После того, как родня невесты осмотрит хозяйство жениха и даст согласие, в назначенный день, за неделю – две до свадьбы, будущие родственники собирались в доме невесты на **Богомолье**. Здесь «выговаривали приданое», принималось окончательное решение о свадьбе — «руку дают», после чего отказывать было нельзя. Родители молились Богу за здоровье молодых. У карельского населения к этому этапу свадьбы относится обряд, получивший название «крещение глаз». Приезжал жених с крёстными родителями и близкими родственниками, у икон зажигались свечи, и все присутствующие молитвой и перекрещиванием за столом рук окончательно закрепляли будущий союз (д. Тимошкино, д. Новошилково). Если рассматривать свадьбу как переходный ритуал, а данную её часть как переломный, решающий момент в обряде, то смысловое наполнение выражения «крещение глаз» представляет несомненный интерес³.

На Богомолье девушки приносили «красу́» — веточку берёзы или ёлочки (в д. Крешнево — можжевельник), украшенную лентами и тряпочками. Когда приносили, пели: «Что не конь идёт по улице». Жених должен был её выкупить. Затем ёлочку приколачивали на передний угол дома невесты. Жениху также приколачивали ёлочку. Пели «Срублена, срублена, на красе́ изба поставлена».

После Богомолья начиналась подготовка собственно к свадьбе. Этот период обычно длился одну-две недели. Варилось пиво, каждый вечер к невесте приходили подруги помогать шить приданое. По дороге они пели жалостные песни («Ты река ли, моя реченька»). Невеста с матерью встречали их на крыльце с причётом. Если невеста причитать не умела, то охала или приглашивала. Могли также приглашать «проголо́сницу». В течение этого периода жених навещал невесту, привозил ей пряники и гостинцы.

Эмоциональной и обрядовой насыщенностью выделяется момент мытья невесты в **бане** накануне свадьбы. Перед этим, заранее, девушки-подруги с украшенным веником, мылом и полотенцем шли к жениху, заставляли его откупаться (называлось: «ходить за дровами на баню»). Жених обязательно угощал их.

В доме невесты подруги или сестра расплетали ей косу. Пели: «Ты топись, топись-ко, ба́енка», «Что не в трубоньку ли трубят». Невеста причитала, прощалась с косой: «Я спущу́ девичью красоту, во леса-то, да во тёмные». Затем она раздавала ленты из косы подругам («красоту сдаёт»). Иногда этими лентами хлестали подруг, чтобы скорее замуж выходили. После этого невесту покрывали шалью и вели в баню мыться («невесту па́рить»). По дороге она обращалась с причётами к крёстным, родителям, брату, подругам — прощалась с красотой. У карел невесту мыли в печи. Как вымоется, сажали её на шубу в красный угол. Невеста угощала девушек пивом, причётом приглашала на девичник. Они пели песни, «пропива́ли» подругу. Если невеста была сиротой, то накануне девичника она ходила на кладбище и причётом звала родителей, просила благословения: «Ой, да ты родимая, да моя маменька. Ой, да приходи ты ко мне, да на пра́здничок».

Девичник устраивался в тот же вечер после бани в доме невесты. В доме жениха также устраивалось застолье.

Невеста рассаживала девушек по лавкам («высоко», «низко»), сама же, покрытая шалью, сидела в красном углу на шубе. Девушки пели песни — «гневѣли»⁴ невесту («Отставала лебедь белая», «Расшаталась грушица, стоячи перед яблонькой», «Что нам, девушкам, в люди-те торопиться, да нам и дома-то гораздо хорошо»). Если невеста — сирота, пели «Ты река ли, моя реченька», она плакала, причитала.

На девичник приходили смотреть жители деревни. Девушки «и́грам игра́ли», водили фигурные хороводы («Вы цветы мои, цветочки», «Ветры дуют, лесы клáняют на нас», «На горе-то калина», «Лет семнадцати девóчка», «Помышлѣньица, да того не было», «Не осерча́йте-ко, милые подруженьки»).

Приезжал жених с друзьями. Тут подруги могли подменить невесту: выводили другую девушку, накрытую шалью (иногда могли вывести накрытую простыней старуху), и заставляли жениха откупаться. Он угощал их пивом или вином.

После прихода ребят начинали плясать под гармонь/балалайку, пели частушки: *«Дак, а как то́ка пришли, дак и начинают песни петь да вот “и́грам играть”.* *А робята придут, если гармонь принесут — тогда уж плесáть будут»*⁵.

После девичника в доме невесты девушек кормили ужином.

На **утро** следующего дня крѣстная мать благословляла невесту с иконой и ржаным караваем (обводила им три раза вокруг головы), невеста кланялась в ноги, просила у всех прощения. В доме жениха тоже шла подготовка к отъезду за невестой. Убанчивали, украшали лошадей, перед отъездом жениха благословляли. Когда отправляли, пели: «Стоят кони под попоной, да в том реду́».

Подруги невесты встречали жениха на улице, пели: «Ехал зять мима тѣстева двора». Поезжан в дом не пускали, требовали выкуп, пели «корѣльные» песни.

После приезда жениха невеста переставала причитать. Родители невесты благословляли молодых (они становились на шубу, целовали икону, кланялись в ноги родителям) и отправляли к **венцу**. Девушки пели: «Отставала лебедь белая», «Не светла ночка без месяца, не красѣн денѣк без солнышка, не весела свадьба без батюшка» (если невеста — сирота).

В церковь молодые ехали отдельно друг от друга. Когда везли невесту, с угла дома срывали «красу́» и бросали под ноги лошадям.

Во время венчания примечали: кто из молодых поднимет свечу выше, тот будет главным в семье. Как повенчаются, невесте заплетали косу, обкручивали вокруг головы, надевали «сорóку», расшитую золотом и блѣстками, и покрывали шалью. Обрато молодые ехали вместе. По дороге из церкви жители деревни могли перегордить им дорогу бревном или верѣвкой и потребовать выкуп (пиво, конфеты).

После венца молодые отправлялись в дом жениха, где происходило праздничное **застолье**. Встречаются упоминания о том, что сначала они заезжали к невесте, а только потом ехали к жениху (карелы). Родители жениха с хлебом и иконой встречали молодых перед домом. Их вѣл дружка, он размахивал и хлестал перед собой кнутом, выкрикивая: «Дорогу!» Считалось, что в этот момент недоброжелатели могут испортить свадьбу, проскочив между женихом и невестой, поэтому им нужно было идти очень близко друг к другу. Тут происходило и раскрытие невесты: раскрывал дружка, снимая с неё шаль с помощью кнута. Молодых осыпали житом,

давали выпить по кружке молока, чтобы ребятишки были чище, белее. Иногда в молоко клали уголь, чтоб были чернобровы.

В дом молодых заводили со двора, по дороге спрашивали «Прямо ли дорожку ехали?» — заставляли целоваться. За столом их сажали на подушки, клали один прибор на двоих. Симанова Екатерина Игнатьевна, 1905 г.р. (д. Овинище, карелка) рассказывает, как на свадьбе молодым давали кость глотать. Жених становился на лавку, держа в руке мослак, а невеста должна была его достать — тогда целовались.

Сразу после венца или чуть позже родня невесты привозила приданое. Друзья и родственники жениха выходили помогать разгружать сундуки. Жители деревни собирались смотреть (д. Крешнево). Приданое «тряслі», показывали всем собравшимся, затем несли в дом и развешивали на стены, зеркала, иконы, портреты. Когда носили, мужчины пели «Дубинушку». В карельских деревнях приданое чаще привозили тихо, заносили через задний двор.

За столом невеста обязательно одаривала родню жениха, подзывала к стакану пива. Первым призывала свёкра, затем свекровь. Молодая кланялась в ноги, говорила: «Матушка, Прасковья Ивановна, пожалуйте сюда!» Шли не сразу, заставляли по нескольку раз призывать. Так невеста должна была пригласить и одарить всю родню жениха. За дары ей на тарелку или в рюмку клали деньги.

Девушки, подружки невесты, опедали застолье — пели, плясали, величали всех гостей: сперва жениха и невесту, затем сватов, а после остальных. За это певиц одаривали деньгами. После застолья дружка с приговором уводил молодых спать в кладовку (д. Тимошкино).

На **утро второго дня** родня жениха шла будить молодую пару. Разбивали глиняные горшки с зерном, устилали полы в доме соломой и заставляли молодую убирать. В знак честности невесты свекровь могла показывать всем простыню.

Второй день гуляли в доме невесты. Приезжали её родители и звали молодых и родню жениха к себе в гости. За столом подавали яичницу, смотрели, как жених будет её есть (д. Тимошкино).

В течение трёх последующих дней жители деревни могли отгачивать у жениховой или невестиной родни, где их угощали пивом. Сюда (на второй или третий день) обязательно приходили ряженные: «старик со старухой», «медведь», «родіху привозили». «Врач» проверял мужиков на «пригодность» («Пригоден ли ты к слуку, будет ли от тебя племя»).

На этом свадебная обрядность не заканчивалась. В карельских деревнях (д. Тимошкино) сохранилось упоминание о послесвадебном мытье молодых в печи. В течение всего года молодые ездили на **отводины** — гостили у родственников жениха и невесты, тем самым закрепляли знакомство с новой роднёй.

Итак, свадебный комплекс русских и карел имеет общую структуру, обусловленную единым смысловым значением. Различия касаются лишь некоторых моментов внутреннего содержания или обозначения ряда обрядовых действий на следующих этапах свадьбы:

– сватовство: у русских сваты сразу шли в дом невесты, у карел заходили сначала в соседний дом и оттуда посылали спросить разрешения сватать;

- богомолье: у русских «руку давали», у карел — «крещение глаз»;
- баня: у русских невесту мыли в бане, у карел — в печи;
- венчание: у русских после венца ехали в дом жениха, у карел сначала в дом невесты, а затем к жениху. В советский период этот обычай у карел был перенесён на Богомолье: после росписи молодые гуляли в доме невесты, а после венца — в доме жениха.
- привоз приданого в дом жениха: у русских прилюдно трясли приданое, у карел его везли тихо, дворами.

У карельского населения сохранились наиболее архаичные моменты свадебного обряда, такие, как обычай давать молодым «глодать кость» на свадьбе, приготовление яичницы на второй день в доме невесты, послесвадебное совместное мытьё молодых и др.

Культурная традиция карел Весьегонского района, с одной стороны, сохранила черты этнического своеобразия, с другой — испытала большое воздействие русской культуры. Отметим, что весь песенный материал, сопровождающий свадьбу, — прежде всего, обрядовые, лирические песни и причитания — заимствован из русской свадебной обрядности и исполнялся карелами на русском языке (тогда как в других районах Тверской области, где также проживают карелы, свадебные причитания и некоторые лирические песни исполняются ими на родном языке)⁶. Исключения составляют лишь частушки, которые исполняются на карельском языке.

Таким образом, свадебный обряд, сложившийся на территории Весьегонского района, несмотря на некоторые отличия, представляет собой единый этнокультурный комплекс, который можно отнести к северорусскому типу свадьбы. Единство обусловлено не только длительным совместным проживанием и межэтническим взаимодействием русского и карельского населения, но и изначально заложенной типологической общностью архаических пластов рассматриваемых традиций.

¹ Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова.

² Тверская обл., Весьегонский р-н., д. Чамерово. 19.08.2011 г. Исп.: Лихачёва Н. В. 1916 г.р. Авт. зап.: Королёва Н. Е., Третьякова Н. С.

³ Ср.: «открывание» глаз младенцу, закрывание глаз покойнику.

⁴ «Гневили» — синоним «жалобили». Доводили невесту до слёз, исполняя жалостливые песни.

⁵ Тверская обл., Весьегонский р-н., Барановский с/с., д. Крешнево. 24.09.1990 г. Исп.: Никулина Е. А., 1905 г.р. Авт. Зап.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Архив ФЭЦ им. А. М. Мехнецова. СПбГК. ОАФ № 3096–28.

⁶ См.: *Игнатьева Н. Б.* Вопросы изучения традиционной музыкальной культуры русских и карел на территории Тверской области. Дипломная работа. СПб., 1995.